

Внутренняя миграция работающей молодежи: факторы формирования готовности переехать в другой город

А. Г. Эфендиев, А. С. Гоголева

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20

Для цитирования: Эфендиев А. Г., Гоголева А. С. Внутренняя миграция работающей молодежи: факторы формирования готовности переехать в другой город // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2024. Т. 17. Вып. 1. С. 47–64. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2024.104>

Проблема внутренней миграции становится все более актуальной, учитывая негативные социальные последствия этого процесса, — поскольку растет число регионов России, испытывающих на себе ощутимый отток населения. Обзор отечественных эмпирических исследований причин и последствий внутренней миграции показал, что большинство из них ограничиваются экономической стороной вопроса, игнорируя сложность этого по своей сути социального явления. В данной работе готовность к добровольной внутренней миграции рассматривается как явление, в котором воплощается индивидуально-субъектная активность личности, когда молодой человек целенаправленно выбирает не только место постоянного проживания, но и соответствующий образ жизни. Центральным вопросом исследования является определение тех социальных факторов, которые способствуют тому, что работающая молодежь намерена остаться в городе проживания, или обуславливают рост желания переехать в другой город или регион. Проверяются такие социальные факторы, как моральные установки, наличие тесных социальных связей, удовлетворенность разными сторонами работы, мнения о городе со стороны «значимых других», удовлетворенность городской средой. Данные факторы, оказывающие действие на разных уровнях, представлены как важные элементы системы, обладающей внутренней логикой и иерархией. На базе опроса онлайн-панели 357 работающих молодых людей из разных городов страны удалось показать, что такие социальные факторы, как мнения близких о городе проживания, восприятие города как места, где комфортно жить, социальный статус родителей, входят в набор значимых предикторов намерений переехать. На фоне стремления «жить материально свободно и независимо» социальное происхождение активизирует мнение значимых Других о городе, с которым тесно связан ведущий фактор — личная оценка респондентом качества жизни в данной городской среде.

Ключевые слова: работающая молодежь, миграционные намерения, добровольная внутренняя миграция, факторы миграции, субъектность, агентность.

Введение

Тема внутренней миграции становится все более актуальной в современных условиях: как показал анализ зарубежных и российских научных публикаций последних лет, интерес ученых, несмотря на большое количество теоретических моделей и эмпирических исследований мобильности, не снижается. Отчасти это

вызвано тем, что миграция рассматривается по большей части как феномен, имеющий экономическую природу. В связи со сменой экономических условий (мировой финансовый кризис, пандемия, общая нехватка рабочей силы) в рамках такой логики процессы миграции остаются значимыми и требуют постоянного мониторинга и интерпретации для последующих мер управления миграционными потоками. В отношении внутренней миграции в отечественных исследованиях интерес к теме подкрепляется проблематикой последствий для регионов с отрицательным сальдо миграции, которые оцениваются по большей части негативно для возможностей развития регионов или городов. Это, в свою очередь, ставит вопросы нарастания дефицита рабочей силы на локальных рынках труда и притока мигрантов.

С самого начала миграционных исследований предпринимались попытки разработать общую модель или теорию миграции, которая могла бы объяснять и прогнозировать миграционные потоки. Э. Равенштайн (E. Ravenstein) описал законы миграции [1], Э. Ли (E. Lee) обобщил имеющиеся наработки в своей модели миграционных потоков [2], сделав большой задел для эмпирических исследований [3]. Впоследствии было проведено множество разноплановых исследований, демонстрировавших всю сложность изучения процессов перемещений населения стран, обуславливающую их междисциплинарный характер. Рассмотрению подвергаются и географические, и политические, и в наибольшей степени экономические причины миграции. При этом сохраняется фрагментарность и хаотичность в исследованиях миграции, а их результаты противоречат предложенным теориям [4]. Объясняют это недостаточной теоретической проработанностью, когда, несмотря на множество теоретических рамок, общая картина, позволяющая в полной мере и объяснить, и прогнозировать миграционные потоки, так и не сложилась.

Судя по количеству опубликованных научных статей, зарубежные исследователи больше интересуются проблемами межстрановой или внешней миграции, и подавляющее большинство используемых моделей миграции были разработаны именно на данных о внешней миграции, по которой собирается относительно полная и надежная статистика. При этом для внутренних перемещений отдельных теоретических моделей не предложено, но неявно подразумевается, что они происходят по тем же законам, что и внешняя миграция [5; 6]. Х. Де Хаас (H. De Haas) в своем обзоре делает вывод, что есть большой разрыв в исследованиях внутренней и внешней миграции, как теоретической, так и эмпирической [4], а взаимосвязь этих двух явлений ограничивается констатацией повышения готовности иммигрировать при наличии опыта перемещений внутри страны или утверждением, что закономерности внешней миграции повторяются для внутренней [6].

Усложняет картину внутренней мобильности рассмотрение факторов и последствий на уровнях индивида и общества. С позиции индивида переезд представляется преимущественно позитивно, поскольку способствует более полному раскрытию способностей молодого человека, реализации его жизненных притязаний и ценностей путем поиска подходящих пространственно-географических локальных условий [7; 8]. В то же время для социально-экономического положения региона данное явление имеет неоднозначные последствия. С одной стороны, миграционная подвижность обеспечивает структурные изменения в экономике, распределяя трудовые ресурсы и концентрируя их на территориях развития [9]. С другой стороны, в регионах оттока происходят свертывание экономической

активности, деградация социальной и транспортной инфраструктуры, их социальное опустынивание [10], что ведет не только к закрытию возможностей для развития, но и к невозможности поддержания имеющегося уровня жизни на данных территориях [11]. В результате неравенство регионов усиливается, что воспринимается как социальная проблема и регионов оттока, и всей страны. Поиск баланса в развитии регионов, принятие мер по упорядочиванию миграционной подвижности требует всестороннего исследования условий и факторов, побуждающих к мобильности или локальной оседлости на уровне индивидов. Особую роль в поиске баланса мы отводим последовательному изучению социальных факторов внутренней миграции, способных дополнить представление об этом явлении.

Проблема миграции в современной социологии: основные подходы и дискуссии

На протяжении всей истории исследований миграции было предложено множество теоретических рамок этого феномена. В контексте исследования наибольший интерес вызывает социальная сторона явления, поэтому постараемся представить имеющиеся подходы, выделяя как социально-экономические, так и социально-культурные аспекты внутренней миграции.

Де Хаас в своей работе предлагает сгруппировать теории миграции в зависимости от того, какое понимание общества положено в основу взглядов исследователей, отмечая функционалистский подход и символический интеракционизм как основу большинства эмпирических исследований [4].

Первая группа использует логику затрат и выгод миграционного действия; миграция представляется как преодоление расхождения потребностей людей и возможностей для их удовлетворения на месте их проживания [5; 12]. Наиболее распространена модель в логике притяжения и отталкивания (push and pull model). Еще Э. Ли предложил рассматривать характеристики места жительства и места назначения в качестве значимых факторов миграционных решений [2]. Среди отечественных работ модель притяжения и отталкивания также доминирует.

В эмпирических отечественных исследованиях, посвященных внутренней мобильности, исследователи обращают внимание на негативные последствия оттока населения в результате дисбаланса доступных рабочих мест и программ высшего образования [9; 13], различий в размере заработной платы на локальных рынках труда [14], экономических проблем глубинки [15]. Временная и постоянная миграции представляются как способ выживания [16] или стратегия поиска лучших условий жизни [12]. В русле имеющихся западных теорий рассуждения строятся на поиске баланса выгод от переезда и издержек от смены места жительства.

Вторая группа теорий, условно называемая теорией символического интеракционизма, включает исследования, которые изучают опыт изнутри: субъективный и коллективный опыт миграции, формирование идентичности мигрантов, отношения в общинах мигрантов и т. д. В данной концепции миграция становится значимым этапом жизни, процессом формирования новой идентичности, вызывающей переживания, создающей свои особенные смыслы. Это направление способствовало расширению набора понятий, необходимых для описания процессов миграции и внутренней мобильности.

Одно из интересных и подходящих под описанную рамку отечественное исследование мотивов внутренней миграции было проведено на примере городов северной глубинки [10]. На материалах интервью с молодежью и старшими поколениями показано, что при сохранении условий проживания роль этих условий и смысловое наполнение желаемого и приемлемого оказалось различным. Это касается наполнения понятий «качество и образ жизни», «перспективные рабочие места», «развивающий досуг» и пр. Другое качественное исследование, используя понятие «чувство места», показало, каким образом молодежь городов Севера выстраивает свою мобильность, и выявило, что повышенная мобильность не отрицает привязанности к месту проживания — границы своего места у молодежи расширяются, а для решения бытовых задач используются частые поездки в другие регионы (за покупками, досугом, лечением и пр.) [17]. Подтверждая значимость чувства своего места, идентичности с городом для формирования жизненных стратегий, российские исследователи показали, что эти факторы могут препятствовать возникновению намерений уехать у молодых калининградцев [18].

Надо отметить, что исследования мобильности в дискурсе символического интеракционизма обусловили возникновение такого понятия, как субъектность (или агентность), то есть ввели в дискурс субъекта миграции с осознанным планом действий. В частности, сам Де Хаас предложил модель, где этот параметр является ключевой составляющей [4], а последующие исследования подтвердили необходимость подобного измерения [5]. Особую значимость это приобретает, если рассматривать не только мобильность, но и иммобильность — оседлость и отказ от переезда как осознанный выбор [19].

Проанализированные теоретические подходы находят проявление в отечественной науке, приобретая определенные акценты и своеобразие. Для нее описанный выше функционалистский подход, с его акцентом на экономический фокус исследований притяжения и отталкивания, свойственен в полной мере [20]. Даже в социологических журналах основными факторами миграции называют уровень жизни, образование, экономическое положение респондентов и уровень безработицы региона отбытия.

Наиболее критикуемое качество данного подхода состоит в том, что изначально предполагается преобладание экономически детерминированного выбора в вопросе переезда. Имеющиеся модели основаны на явном или неявном предположении, что люди принимают рациональные решения с целью максимизации дохода или полезности. Однако подобная логика оставляет без ответа вопрос, почему люди не хотят переезжать из бедных регионов, а наоборот, высказывают желание остаться, даже если есть возможность переехать. Кроме того, с развитием регионов и улучшением условий часто фиксируют рост оттока, что также противоречит данной логике [4].

Все это приводит к предположению, что многие факторы влияют на миграционные решения нелинейно, а вписаны в структуру, которая содержит определенные триггеры, их активизирующие. Так, в частности, многократно показано, что материальное положение может как способствовать отъезду (тогда это трактуется как наличие ресурсов для смены места проживания), так и препятствовать (в этом случае объясняется нежеланием терять текущий достаточный уровень жизни) [9; 12–14]. Можно предположить, что сочетание условий, как экономических, так и социальных, даст более полную картину формирования намерений уехать или остаться [21].

Теоретико-социологические допущения и постановка проблемы исследования

Учитывая, что миграционные потоки очень разнообразны по своей природе [22], было предложено выделить те из них, которые позволят сопоставить по значимости группы социальных и экономических условий и описать принятие решения о переезде через призму индивидуальных жизненных стратегий [8].

Предметом исследования являются процессы внутренней мобильности. Не углубляясь в проблему единства и различий социальной природы внутренней и внешней мобильности, мы фокусируемся на перемещениях внутри страны. И в случае последовательной связи (когда внутреннее перемещение предшествует переезду из страны), и в ситуации альтернатив (при невозможности эмигрировать переезжают в другой регион страны) перемещения внутри страны расцениваются как требующие меньше ресурсов и предполагающие меньше барьеров для осуществления [6]. Кроме того, было показано, что для международной миграции более значимы экономические условия, тогда как для внутренней — социальные факторы [6]. Также отметим, что мы ограничились переездом из города в город, не рассматривая направление «село — город», поскольку мотивация сельских жителей к переезду в город имеет свои особенности [10; 23].

В фокус исследования ставится мобильность, предполагающая смену постоянного места жительства, а временные перемещения для получения образования или в силу вахтового метода трудовой деятельности, отходничества, длительной командировки не изучаются. Именно связь с жизненными стратегиями позволит интерпретировать такой переезд как смену образа жизни [18].

Изучается только добровольная внутренняя миграция, оставляющая за рамками исследования принудительную и вынужденную (переезд с родственниками, в целях безопасности, избегание военных действий). Добровольная мобильность предполагает качественно иной уровень значения личности как субъекта мобильности, содержит в себе реалистичный выбор между решениями остаться или переехать [7].

Также отметим, что субъектом внутренней мобильности выбрана молодежь. По результатам подавляющего большинства исследований эта группа является более мобильной и демонстрирует повышенный уровень и миграционных намерений, и миграционных действий [19; 20; 22]. Социальные механизмы и мотивы внутренней мобильности людей зрелого возраста, как показали исследования, могут существенно отличаться [8; 24].

Наконец, среди молодежи в центре нашего исследования лишь работающая молодежь, обладающая высокой самостоятельностью и, что важно, субъектностью. В этих условиях желание переезда отражает выбор жизненного пути, тесно связано с выбором работы и профессиональной деятельностью [8; 18]. Миграционные ориентации студентов или выпускников относительно много исследовались, и было показано, что эта группа изначально характеризуется повышенной готовностью к мобильности [25], поэтому для нивелирования этого предсказуемого смещения мы также отказались от тех, кто проходил обучение на момент исследования.

Отдельно подчеркнем, что в исследовании изучаются только миграционные намерения, но не действия — это различие является предметом специальной

дискуссии [20; 22], чаще всего эти намерения трактуются как потенциальная готовность к переезду. Здесь же отметим, что наличие опыта переезда в прошлом, как показали исследования [22], часто является фактором миграционных намерений, поэтому мы отдельно контролируем группы с реальным опытом миграции и без такового.

Таким образом, предметом данной работы являются намерения переезда на постоянное место жительства внутри страны или оседлости работающих молодых людей. Центральным вопросом исследования является определение роли социальных факторов, которые способствуют тому, что молодежь намерена остаться в городе проживания, или обуславливают рост желания переехать в другой город или регион.

В рамках очерченного выше теоретического поля в отечественной науке, на наш взгляд, развиваются исследовательские подходы, которые так или иначе упрощают понятие внутренней мобильности. Основной проблемой такого подхода мы считаем рассмотрение миграции как преимущественно экономического феномена. Экономико-механистическое понимание внутренней мобильности как рациональных оценок выгод и издержек — явно недостаточный инструмент для понимания сложных миграционных процессов. Он не позволяет изучить феномен нелинейного механизма формирования драйверов отъезда или оседлости, практически игнорирует инерцию и сложившиеся социальные связи, необходимость поддержания предсказуемости и снижения неопределенности для индивида, выводит за рамки анализа социальные препятствия и барьеры, не рассматривает социокультурный контекст подобных намерений. При разработке мер, направленных на повышение привлекательности регионов и выход на показатели положительного сальдо миграции, более целостное понимание оснований оседлости и факторов миграционных намерений может дать более эффективные решения.

В основе нашего понимания лежит осмысление внутренней миграции работающей молодежи как социально обусловленного явления, в котором воплощается индивидуально-субъектная активность молодого работника. Миграционные намерения могут быть истолкованы как способ достижения поставленных целей, воплощения планов жизнеустройства, реализации разделяемых ценностей, норм поведения, мотивов деятельности. В этом смысле миграция наряду с такими явлениями, как получение образования, выбор профессии, создание семьи, выступает ключевым для жизнеустройства человека решением, из которых и складывается фундамент человеческой жизни.

Исследование добровольной мобильности работающей молодежи позволяет, на наш взгляд, рассмотреть миграцию не как отдельный фрагмент жизни молодого человека, а как важнейший элемент жизненных стратегий, их преломление через призму «устраивать свою жизнь здесь» или «сменить место жительства» [8; 18]. Поэтому, во-первых, для понимания проблемы во всей ее противоречивости следует рассматривать проблему целостно: сочетая исследование мобильности и исследование оседлости и приверженности месту проживания [19].

Во-вторых, широкий взгляд на природу добровольной миграции исходит из понимания актора миграции как субъекта, вписанного в широкий контекст образовательных, семейных, статусных, моральных, трудовых, культурных условий и обстоятельств. И экономический фактор входит в этот набор условий в качестве

значимого, но не единственного. Изучение всех перечисленных групп факторов в одном исследовании позволяет оценить их относительную значимость в формировании намерений переехать или остаться. Используемые в исследовании группы условий действуют на разных уровнях:

- личность, ее основные социальные и моральные характеристики, экономическое положение;
- микросреда, представленная семьей, друзьями, коллегами, работой;
- мезолокальная среда (город проживания).

Модель эмпирического исследования

Эмпирическую базу исследования представляют данные, собранные посредством анкетирования онлайн-панели в марте 2022 г.¹ Отбиралась работающая молодежь (по найму, владеющая индивидуальным предприятием, самозанятая) в возрасте от 20 до 30 лет, проживающая на территории РФ и имеющая российское гражданство. Из выборки были исключены работающие студенты. В выборку вошли жители всех федеральных округов Российской Федерации, занятых в разных отраслях экономики, из городов с населением от 100 тыс. жителей, а также из мегаполисов. Всего для анализа отобрано 357 наблюдений. Респонденты, проходившие обучение в вузе на момент опроса, были исключены из анализа, чтобы образовательные мотивы миграции не смещали результаты. В итоговой выборке 49 % мужчин, 51 % женщин, средний возраст опрошенных 26,3 года. Полученная выборка не отражает региональную и отраслевую характеристики генеральной совокупности, однако для планируемой проверки значимости факторов намерений переехать это не является критическим — наполненность групп оказалась достаточной для проверки значимости связей и различий.

В качестве зависимой переменной был использован вопрос о желании переехать: «Хотели бы Вы переехать в другой город/поселок/станцию?»

В состав независимых переменных вошли несколько групп факторов, отражающих описанные выше уровни действия условий:

А. Личностный профиль: социально-демографические характеристики (а также сельский/городской житель, местный/приезжий житель), наличие опыта переезда, уровень образования, семейное положение, материальное положение, а также разделяемые ценности и нормы поведения.

Б. Микросреда: социально-стратификационный статус родителей (профессионально-должностной статус отца и матери), удовлетворенность текущей работой (карьерой, зарплатой, содержанием труда, отношениями с коллегами и руководителем), оценки окружения текущего места жительства (со стороны родителей, друзей, знакомых).

В. Мезосреда (локальная): удовлетворенность характеристиками текущего места жительства.

Переменные личностного профиля, а также статус родителей относятся к категориальным переменным. Переменные разделяемых ценностей, удовлетворенности

¹ Онлайн-панель респондентов — граждан РФ была собрана независимым провайдером. Выражаем благодарность студентке магистратуры Анастасии Петляковой за помощь в сборе данных панели.

и оценок реализованы со шкалой Лайкерта. Зависимая переменная изначально содержит шкалу по типу Лайкерта от 1 до 4. Для некоторых исследовательских вопросов проводилось сравнение групп крайних значений шкалы: определенно желающих переехать и определенно желающих остаться.

Личностные факторы готовности молодого работника уехать или остаться

Исследуя условия, которые связаны с внутренней мобильностью молодого работника, начнем с социально-демографических характеристик респондентов. Среди респондентов доля бывших сельских жителей (то есть тех, кто окончил сельскую школу) составила 16 %, остальные — горожане; местных (то есть окончивших школу в данном городе) — 60 %, остальные — приезжие. Вместе с тем проведенные тестирование критерия χ^2 и сравнение средних не выявили значимых различий: получается, что желание переехать напрямую не связано с тем, вырос ли человек в этом городе или нет. Также незначимыми оказались такие характеристики, как уровень образования, наличие детей, уровень материального благосостояния, наличие опыта переезда.

Ценностно-нормативный профиль личности. Ставя вопрос об индивидуальных жизненных стратегиях, необходимо оценить их ценностную основу, предполагая, что представления о том, как правильно строить свою жизнь, могут влиять на желание переехать и жить в более подходящем для этого городе [8]. В ходе анализа личностно-моральных характеристик были исследованы ценностные ориентации, нормы, принципы, которых, по признанию респондентов, они придерживаются в своей жизни, желательные для молодого человека социальные качества и условия.

При этом внутренняя мобильность молодого человека в контексте его морально-ценностной основы рассматривалась в двух разрезах. Первый — потенциальная внутренняя мобильность: сравниваются моральные устои молодых людей, мотивированных сменить место жительства на момент опроса (27 %) и желающих остаться (73 %). Второй — практически осуществленная внутренняя мобильность: сравниваются моральные устои тех, кто не имел опыта переезда ранее (56 % респондентов) и кто уже переезжал в прошлом (44 %). Результаты опроса вторых можно трактовать как более информированное по сравнению с теми, кто никогда практически не переезжал и не в полной мере оценивает трудности и возможности подобных перемещений. Моральные суждения, в особенности необходимость придерживаться тех или иных норм и принципов, были в определенной степени опробованы в ситуации реальной смены местожительства и последующего устройства на новом месте.

Результаты анализа данных свидетельствуют о том, что морально-мировоззренческая основа молодежи в своих основных контурах и границах достаточно целостна. Значимые различия² есть, но если рассматривать картину в целом, их количество небольшое. Так, сравнивая желающих переехать и остаться,

² Здесь и далее описываются только значимые различия (если специально обратное не оговорено), приняты следующие показатели значимости: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$; ns незначимо.

по ответам на вопрос, насколько для них важна успешная карьера, у первых, утверждающих, что «в жизни нужно делать лишь то, что тебе выгодно и можно иногда пренебречь правилами», средняя составила 4,3 (против 4,0 у желающих остаться), у мотивированных на отъезд средняя составила 2,4 (против 2,2 у вторых). И наоборот, у вторых средняя по показателю «должен гордиться качеством своей работы» составляет 2,6 против 2,4 у желающих переехать.

Рассматривая данные о морально-мировоззренческих устоях тех, кто имел опыт переезда, было выявлено, что наличие такого опыта формирует связи между желанием переехать и некоторыми моральными ориентациями (у не имеющих опыта переезда значимые корреляции отсутствуют): «Что и в какой степени Вы считаете наиболее важным: Пользоваться всеми благами цивилизации» (коэффициент корреляции 0,233**), «Жить современно, идти в ногу со временем» (коэффициент корреляции 0,170*). Характерно, что у этой группы проявляются связи желания уехать со стремлением к успешной карьере (коэффициент корреляции 0,169*) и «Как нужно строить свою жизнь: делать лишь то, что тебе выгодно» (коэффициент корреляции 0,158*). Связи с желанием остаться в данном городе у этой группы имеют иную коннотацию: человек должен гордиться своей работой (коэффициент корреляции с желанием переехать $-0,210^{**}$) с примыкающим к ней «Необходимо постоянно развиваться, самосовершенствоваться, чтобы суметь достичь цели» (коэффициент корреляции с желанием переехать $-0,168^*$).

Итак, проведенный анализ морально-мировоззренческих основ внутренней мобильности опрошенной молодежи дает основу для следующего вывода: имеющиеся различия морально-нормативных взглядов между желающими уехать или остаться, имеющими опыт смены места жительства и не имеющими его, невысоки. В целом это согласуется с данными других исследований — эти параметры называют личной ситуацией [25], когда различия по индивидуальным характеристикам хоть и выявляются, но при добавлении контекстуальных переменных региона часто теряют свою значимость [26]. При этом также было показано, что учет предыдущего опыта миграции в отдельных аспектах меняет закономерности формирования желания переехать. Это также подтверждает мнения многих исследователей, что смена места жительства является значимым фактом жизненного пути и должно рассматриваться в контексте жизненных стратегий [27].

Роль микросреды в формировании готовности молодого работника уехать или остаться

Родители. Привлекает внимание значимость социального происхождения родителей, показатель которого носит кумулятивно-стратификационный характер. В нем накапливаются не только характер и должность родителей, но и характер материальных, социальных, культурных условий, в которых рос и развивался молодой человек. Во многом этот статус предполагает определенный уровень экономических, социально-престижных амбиций, характерный для той или иной семьи, возможность и готовность материально и социально поддерживать переезд молодого человека на новое место жизни, подстраховать его в жизнеустройстве на новом месте от жизненных рисков. Это подтверждают различия в ценностно-нормативных профилях у респондентов, если среди родителей были

квалифицированные специалисты или руководители, а также значимые различия в уровне материального благосостояния респондентов (если квалифицированным специалистом является один из родителей, то уровень материальной обеспеченности в среднем выше, чем в семьях рядовых работников).

Результаты анализа миграционных настроений свидетельствуют, что профессионально-должностной статус отца или матери — руководителя, предпринимателя существенно связан с желанием молодого человека переехать в другой город (табл. 1). Противоположная тенденция наблюдается, если мать респондента — специалист. Стремление переехать наблюдается и у молодых людей, выросших в семьях, где отец — рядовой работник.

Таблица 1. Распределение желающих уехать или остаться в данном городе в зависимости от профессионально-должностного статуса родителей (% по строкам)

Профессионально-должностной статус отца и матери	Есть желание переехать в ближайшие три года и ранее	
	нет	да
Отец — руководитель*	53,8	46,2
Мать — руководитель*	52,4	47,6
Отец — рядовой работник*	64,4	35,6
Мать — квалифицированный специалист*	79,7	20,3
В целом по выборке	72,8	27,2

Таким образом, однозначно интерпретируемых связей статуса и желания переехать при проверке линейных зависимостей не выявлено. Однако если учитывать роль родителей в формировании ожиданий и амбиций молодого человека, а также представлений о желаемом образе жизни, то оказывается, что если среди родителей есть квалифицированные специалисты, мотивация к смене места жительства преимущественно социально-престижная, то есть наблюдаются сильные связи с ценностями карьеры (коэффициент корреляции 0,165*), образованности (коэффициент корреляции 0,184*), материального благосостояния (коэффициент корреляции 0,216**), стремлением иметь разностороннее культурное развитие и кругозор (коэффициент корреляции 0,166*). Полученные данные можно трактовать как формирование в семье такой среды, которая усиливает и проявляет взаимосвязи представлений респондентов о нормах и ценностях жизни с решениями о переезде и смене города проживания.

Работа. Вопросы работы в решениях о переезде в рамках экономической логики поднимаются довольно часто. Утверждается, что недовольство работой, зарплатой [12; 28] или карьерными возможностями [8] является значимым мотивом для смены места жительства.

Проводя сравнение тех, кто хотел бы уехать, с теми, кто желает остаться, значимыми оказались только вопросы удовлетворенности содержанием работы и (для не имеющих опыта смены места жительства) отношений с руководителем и коллегами (в табл. 2 дана лишь часть характеристик работы, показавших значимость). Ни удовлетворенность размером заработка, ни стабильность не обнаружили

каких-то особенностей в указанных группах. На наш взгляд, это говорит о том, что есть определенная переоцененность удовлетворенности работой и заработком в вопросах переезда, поскольку содержание работы и отношения на работе скорее относятся к качеству профессиональной жизни, а не к материальной стороне трудовой деятельности. По крайней мере фокусирование на экономических причинах мобильности, когда уровень заработных плат рассматривается как «выталкивающий» фактор [28], не в полной мере находит свое подтверждение при рассмотрении намерений работающих молодых людей переехать.

Таблица 2. Коэффициенты корреляций желания уехать и удовлетворенностью характеристиками работы

Насколько Вы удовлетворены следующими характеристиками своей нынешней работы? (1 — полностью не удовлетворен, 3 — полностью удовлетворен)	Хотели бы Вы переехать? (1 — не хочу, 4 — да, в течение года)		
	вся выборка	нет опыта переезда (N = 198)	есть опыт переезда (N = 159)
Содержание работы	-0,108*	ns	-0,174*
Отношения с коллегами и руководителем	ns	-0,151*	ns

Здесь также стоит обратить внимание на усиление связи между удовлетворенностью содержанием работы с желанием переехать при наличии опыта переезда. Сопоставляемые с этим результаты были получены в качественном исследовании: материальные условия отходили на второй план, если затрагивались темы соответствия работы жизненным планам [8]. При этом материальный уровень переехавших действительно оказывается выше по сравнению с теми, кто не имел фактов перемещений, но трактуется это скорее как следствие, а не как причины этих перемещений.

Мнение окружения о месте жительства. Формирование желания переехать, как показало исследование, происходит во многом под влиянием общения с референтными группами, на основе мнений значимых Других. В исследовании использовался вопрос о том, какие оценки респондент наблюдал у своего окружения по отношению к городу.

Анализируя выявленные тенденции, можно сказать, что наличие негативных оценок города сильно повышает желание уехать (табл. 3). На основании суммирования данных о негативных оценках города проживания, услышанных респондентом от родителей, друзей, знакомых, был составлен «Индекс негативного мнения значимых Других о городе» (рассчитанный индекс конструировался с использованием шкалы сумматорного типа — чем выше значение индекса, тем большее наличие негативных оценок указал респондент). Дисперсионный анализ, где зависимой переменной выступает желание переехать в ближайший год-три, выявил очень сильную связь желания уехать с негативными суждениями значимых Других ($\eta^2 = -0,10$)³.

³ Здесь и ниже приводится коэффициент η^2 . Подробно об этом корреляционном отношении см.: [29, разд. 13]. Интерпретация уровней эффекта в однофакторном дисперсионном анализе может варьироваться в контексте разных исследований. Значения по модулю интерпретируются: $\eta^2 > 0,01$ — низкий эффект, $\eta^2 > 0,06$ — средний эффект, $\eta^2 > 0,1$ — выраженный эффект.

Надо отметить, что мнение ближайшего окружения составляет самостоятельный фактор, отличный от реальных условий среды проживания. Это культурно обусловленное представление о том, насколько город соответствует ожиданиям и предлагает условия для желаемого образа жизни.

Таблица 3. Средние оценки намерений уехать в зависимости от того, были ли негативные оценки города проживания со стороны родителей, друзей и знакомых

Как к городу своего проживания относится(-лось) Ваше окружение?		Хотели бы Вы переехать? (1 — не хочу, 4 — да, в течение года)
Родители: Часто говорили о недостатках города, в котором я живу(-л)***	Нет, не говорили	1,6
	Да, говорили	2,04
Друзья: Часто говорили о недостатках города, в котором я живу(-л)**	Нет, не говорили	1,6
	Да, говорили	1,9
Друзья: Считают(-ли), что совершили ошибку, оставшись в этом городе***	Нет, не говорили	1,6
	Да, говорили	2,25
Знакомые: Считают(-ли), что совершили ошибку, оставшись в этом городе***	Нет, не говорили	1,6
	Да, говорили	2,15

Локальная мезосреда

Город. Городская среда для молодого человека — это главная арена его жизнедеятельности, реализации амбиций и стремлений, определяющая условия его образа жизни [8]. Критический анализ этой среды, выявление удовлетворяющих его условий самореализации или, наоборот, затрудняющих ее, может являться своеобразным спусковым крючком формирования у молодого человека желания сменить место жительства или остаться [25].

Итак, определим, по каким критериям молодые люди оценивают современную городскую среду в аспекте желания переехать. Дисперсионный анализ дает однозначный ответ: желание переехать сильно связано с интегральной оценкой того, в какой степени устраивает респондента нынешний город ($\eta^2 = -0,13$ для вопроса «Оцените, в какой степени Вас устраивает Ваш нынешний город»). При этом детальный дисперсионный анализ взаимосвязи общей удовлетворенности нынешним городом с конкретными параметрами среды проживания позволяет выделить различные группы характеристик городской среды.

Одну группу составили параметры, по которым выявлены коэффициенты η^2 от 0,2 и выше: «Это современный город, чувствуешь себя идущим в ногу со временем» ($\eta^2 = 0,25$), «Жить в этом городе безопасно, спокойно» ($\eta^2 = 0,21$), «Уровень благоустройства» ($\eta^2 = 0,21$), «Возможности для культурного развития» ($\eta^2 = 0,20$). Наличие самых сильных корреляций желания переехать с показателями удовлетворенности этими характеристиками также указывает, что городская среда значима (коэффициенты корреляции желания переехать и удовлетворенности от $-0,211^*$ до $-0,169^*$). Эта группа характеристик города отражает возможности для повышения качества жизни, восприятие городской среды как соответствующей определенным стандартам.

Интересно посмотреть на параметры материального состояния: «Уровень заработной платы в городе по Вашей специальности» ($\eta^2 = 0,19$), «Возможность решить жилищную проблемы» ($\eta^2 = 0,18$), «Интересная работа» ($\eta^2 = 0,13$), «Возможность создать свое дело» ($\eta^2 = 0,15$) и т. д. Что касается удовлетворенности образовательными и медицинскими, а также торговыми услугами, то они набирают от 0,13 до 0,16 соответственно; а 0,12 — транспортная доступность. Замыкают этот рейтинг параметры «Живет много друзей» ($\eta^2 = 0,07$) и «Живет много родственников» ($\eta^2 = 0,06$). Приведенные данные позволяют выявить иерархию параметров, которые важны для респондентов в оценке общей удовлетворенности нынешним местом жительства.

Выявленные тенденции нашли подтверждение в ходе корреляционного анализа. Для анализа значимости различных характеристик города проживания на основе средних оценок разработаны три категории индекса (чем выше индекс, тем более удовлетворен респондент включенными характеристиками города): условия для высокого качества жизни (безопасность, инфраструктура), условия (возможности) для профессиональной деятельности, наличие социальных связей (родственников, друзей) (табл. 4).

Таблица 4. Коэффициенты корреляции намерений переехать и средних оценок условий города

Индексы на основе средних оценок характеристик города по категориям	Хотели бы Вы переехать? (1 — не хочу, 4 — да, в течение года)
Условия для качества жизни	-0,227**
Условия для профессиональной деятельности	-0,173**
Имеющиеся социальные связи	-0,179**

Надо отметить, что, если учитывать профессионально-должностной статус родителей, наблюдается усиление связей между оценкой городской среды и желанием переехать. Так, в частности, если среди родителей есть квалифицированные специалисты, то растет величина связей с наличием в городе возможности получить интересную работу и проживанием родственников в городе. А если хотя бы один из родителей относится к рядовым сотрудникам, вырастает роль таких характеристик города, как уровень благоустройства, наличие знакомых, современный и безопасный город с возможностями культурного развития.

Итак, проведенный анализ дает основание для некоторых выводов о значимости различных сторон устройства городской жизни для возникновения желания сменить или сохранить свое место жительства. Обращает на себя внимание доминирование социально-культурных качеств городской среды и в первую очередь параметров, формирующих осознание себя как живущего в современном городе, имеющем возможности для культурного развития и обеспечивающем безопасность. При этом профессионально-экономические параметры (заработная плата, карьера, интересная работа, жилье) устойчиво не проявляют свою первоочередную значимость для формирования мотивов уехать или остаться в данном городе — по силе связей они существенно уступают оценкам, относящимся к качеству жизни и соответствию ожидаемому образу жизни.

Модель желания переехать в другой город

Описывая проблему исследования внутренней добровольной миграции российской работающей молодежи, мы изучили социальные факторы мобильности, в том числе их одновременное действие. Подводя итоги, можно представить факторы как имеющие свою внутреннюю структуру и иерархию влияния.

Для оценки совокупного влияния выявленных факторов мы осуществили поиск моделей множественной линейной регрессии, где зависимой переменной выступает желание сменить место проживания, а предикторами — социальные характеристики, моральные ориентации, факторы микро- и мезосреды⁴. Итоговая модель линейной регрессии обладает достаточным коэффициентом детерминации и прогностической силой (табл. 5).

Безусловное лидерство в этой модели принадлежит фактору «Удовлетворенность качеством городской среды». Положительное значение этого фактора в значимо большей степени, чем другие, влияет на формирование готовности к переезду.

Таблица 5. Модель множественной регрессии желания переехать

Предикторы	Стандартизованные β -коэффициенты
Профессионально-должностной статус отца: руководитель	0,121*
Профессионально-должностной статус отца: рядовой работник	0,144*
Профессионально-должностной статус матери: рядовой работник	-0,209**
Профессионально-должностной статус матери: квалифицированный специалист	-0,182**
Индекс негативных оценок города со стороны окружения (родителей, друзей, знакомых)	0,177**
Оценка условий города для качества жизни	-0,229***
Стремление иметь высокий уровень материального благосостояния	0,138**
Удовлетворенность уровнем зарплаты	0,150**
Стандартизованный R^2	0,182***

Приведенная модель множественной линейной регрессии не только фокусирует наше внимание на многоаспектности формирования готовности к мобильности, но и позволяет осмыслить синхронизацию различных условий, обстоятельств, обуславливающих желание молодого работника сменить место жительства. На фоне желания быть материально обеспеченным социальное происхождение задает мнение значимых Других о данном городе, с которым тесно связан ведущий фактор — личная оценка респондентом качества жизни в данной городской среде.

⁴ Регрессионный анализ проводился пошагово, в изначальный набор переменных были включены переменные личностного профиля (пол, возраст, материальное положение, наличие семьи и детей, ценностно-нормативный профиль), индексы положительных и отрицательных оценок города со стороны окружения, оценки удовлетворенности текущей работой, оценки городской среды. Категориальные переменные были перекодированы в дихотомические. Проверялись модели путем исключения незначимых параметров.

Заключение

Подводя итоги проведенного анализа, мы можем утверждать, что действие факторов следует не только описывать с учетом оценки их самостоятельного и линейного влияния, но также необходимо рассматривать их совместную роль, когда важным оказывается сочетание условий. Так, было ясно показано, что такие условия, как опыт переезда и профессионально-должностной статус родителей, являются во многом предпосылками действия других факторов в формировании желания переехать: ценностно-нормативных убеждений, удовлетворенности работой и городской средой. В определенном смысле мы можем говорить о системе условий, которая включает не только материально обусловленные обстоятельства, но и общественные, стратификационные и, не в последнюю очередь, коммуникационные факторы, описывающие среду. Разворачивая вопрос о том, что необходимо, чтобы работающая молодежь стремилась остаться в городе, нужно помимо материального благосостояния создавать условия и среду, которую будут считать подходящей для образа жизни и сам молодой человек, и его окружение. Положительный баланс привлекательности города для работающей молодежи достигается лишь при актуализации всего набора факторов, включая и формирование позитивного имиджа, а также при любви к месту проживания.

Отдельно стоит обратить внимание на ограничение исследования, связанное с тем фактом, что его проведение совпало с началом специальной военной операции, что могло, безусловно, сместить результаты. В частности, общая неопределенность послужила для многих причиной роста тревожности, сужения горизонта планирования. Однако, учитывая, что предметом опроса являлись внутренние перемещения, а не внешние, достаточно сложно сказать, в чем именно эти искажения могут состоять.

Литература

1. Лисицын П. П., Степанов А. М. Новые законы миграции Э. Равенштайна // Социологические исследования. 2022. № 8. С. 15–26.
2. Lee E. S. A Theory of migration // *Demography*. 1966. Vol. 3, no. 1. P. 47–57.
3. Лисицын П. П., Степанов А. М., Орлова Н. А. Выполненные и невыполненные обещания Эверетта Ли: к критике миграционных теорий // Социологические исследования. 2023. № 10. С. 41–51.
4. De Haas H. A theory of migration: the aspirations-capabilities framework // *Comparative Migration Studies*. 2021. Vol. 9, no. 1. P. 1–35.
5. Cirillo M., Cattaneo A., Miller M., Sadiddin A. Establishing the link between internal and international migration: evidence from Sub-Saharan Africa // *World Development*. 2022. Vol. 157. P. 105943.
6. Bernard A., Perales F. Linking internal and international migration in 13 European countries: complementarity or substitution? // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2022. Vol. 48, no. 3. P. 655–675.
7. Finney N., Marshall A. Is migration in later life good for wellbeing? A longitudinal study of ageing and selectivity of internal migration // *Area*. 2018. Vol. 50, no. 4. P. 492–500.
8. Карцева М. А., Мкртчян Н. В., Флоринская Ю. Ф. Межрегиональная миграция молодежи в России и выстраивание жизненных стратегий // Журнал Новой экономической ассоциации. 2021. Т. 52, № 4. С. 162–180.
9. Нуриева Л. М., Киселев С. Г. Анализ трудоустройства выпускников омских вузов с позиций гравитационной модели миграции // *Alma Mater*. 2022. № 2. С. 63–68.
10. Ильин В. И. Поколенческая ситуация: уехать или остаться? (на материалах биографического исследования в северной глубинке) // *Мир России*. 2022. Т. 31, № 4. С. 6–32.
11. Логинова Л. В., Щепланова В. В. Миграция населения в приграничном регионе: состояние и тенденции (на примере Саратовской области) // Социологические исследования. 2023. № 10. С. 52–64.

12. *Иванова Е. И.* Миграционные намерения современных поколений россиян: новая волна миграции // Проблемы прогнозирования. 2017. № 3. С. 106–118.
13. *Бюраева Ю. Г.* Молодежная миграция в Республике Бурятия: направленность потоков и причины // Социологические исследования. 2020. № 10. С. 52–62.
14. *Гильтман М. А., Обухович Н. В., Ларионова Н. И.* Влияние заработной платы в европейской части России на миграцию в районах Крайнего Севера // Мир России. 2020. Т. 29, № 3. С. 28–50.
15. *Мкртчян Н. В.* Миграция молодежи из малых городов России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 1. С. 225–242.
16. *Флоринская Ю. Ф.* Трудовая миграция из малых российских городов как способ выживания // Социологические исследования. 2006. № 6. С. 79–87.
17. *Bolotova A., Karaseva A., Vasilyeva V.* Mobility and sense of place among youth in the Russian Arctic // *Sibirica*. 2017. Vol. 16, no. 3. P. 77–123.
18. *Омельченко Д. А., Омельченко Е. Л.* В поисках дома. Региональная идентичность молодых калининградцев: жизненные стратегии и миграционные намерения // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2022. № 6. С. 309–332.
19. *Schewel K., Fransen S.* Who prefers to stay? Voluntary immobility among youth in Ethiopia, India, and Vietnam // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2022. Vol. 48, no. 19. P. 4457–4484.
20. *Чернышёва Н. С., Чжан Ю.* Молодежная миграция в России: обзор дискуссий // Социологические исследования. 2022. № 11. С. 135–143.
21. *Debray A., Ruysen I., Schewel K.* The aspiration to stay: a global analysis // *International Migration Review*. 2023. Vol. 30, no. 3. P. 748–770.
22. *Рыбаковский Л. Л., Маевский Д. П., Кожевникова Н. И.* Миграционная подвижность населения и ее измерение // *Народонаселение*. 2019. Т. 22, № 2. С. 4–14.
23. *Farrugia D.* The mobility imperative for rural youth: The structural, symbolic and non-representational dimensions rural youth mobilities // *Journal of Youth Studies*. 2016. Vol. 19, no. 6. P. 836–851.
24. *Maleku A., España M., Jarrott S., Karandikar S., Parekh R.* We are aging too! Exploring the social impact of late-life migration among older immigrants in the United States // *Journal of Immigrant & Refugee Studies*. 2022. Vol. 20, no. 3. P. 365–382.
25. *Мкртчян Н. В., Флоринская Ю. Ф.* Почему люди уезжают из одних регионов и приезжают в другие: мотивы межрегиональной миграции в России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 5. С. 130–153.
26. *Клячко Т., Семионова Е.* Трудовая миграция: взгляд молодежи // *Экономическое развитие России*. 2018. Т. 25, № 12. С. 53–62.
27. *Vidal S., Lutz K.* Internal migration over young adult life courses: Continuities and changes across cohorts in West Germany // *Advances in Life Course Research*. 2018. Vol. 36. P. 45–56.
28. *Антосик Л. В., Ивашина Н. В.* Факторы и направления межрегиональной миграции выпускников вузов в России // *Вопросы образования*. 2021. № 2. С. 107–125.
29. *Толстова Ю. Н.* Математико-статистические модели в социологии (математическая статистика для социологов). М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2008.

Статья поступила в редакцию 18 октября 2023 г.;
рекомендована к печати 21 марта 2024 г.

Контактная информация:

Эфендиев Азер Гамид оглы — д-р филос. наук, проф.; efendiev@hse.ru
Гоголева Анна Сергеевна — канд. социол. наук, доц.; agogoleva@hse.ru

Internal migration of working youth: Determinants of readiness to move to another region

A. G. Efendiev, A. S. Gogoleva

HSE University,
20, ul. Myasnitckaya, Moscow, 101000, Russian Federation

For citation: Efendiev A. G., Gogoleva A. S. Internal migration of working youth: Determinants of readiness to move to another region. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2024, vol. 17, issue 1, pp. 47–64. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2024.104> (In Russian)

The number of regions in Russia experiencing a significant outflow of population is growing so the issue of internal migration is still on the agenda. A review of empirical studies of internal migration in Russia has shown that most of the studies devoted to the causes and consequences of migration are bounded to the economic aspect ignoring the complexity of this social phenomenon. In this paper, readiness for voluntary internal migration is considered as a phenomenon that embodies individual subjective activity of a person, when a young person purposefully chooses not only a place of permanent residence, but also an appropriate lifestyle. The aim of the study is to determine what social factors contribute to intend to move to another city for residence. The set of social determinants that were tested consists of personal moral attitudes, close social ties, satisfaction with different aspects of work, shared opinion about current city from significant others, satisfaction with the city environment. These factors affect at different levels and are considered as significant elements of a system with its internal logic and hierarchy. The data of online panel survey of 357 working young people from different regions shows that social factors (opinions of significant others about the city of residence, perception of the city as a place for comfortable life, social status of parents) are significant predictors of intention to move. Common and universal attitude to “be financially free and independent” and social origin activate the opinion of significant others about the city, which is highly connected with the leading determinant: personal evaluation of the quality of life in current urban environment.

Keywords: working youth, migration intentions, internal migration, migration determinants, agency.

References

1. Lisitsyn P. P., Stepanov A. M. New laws of migration by E. Ravenstein. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2022, no. 8, pp. 15–26. (In Russian)
2. Lee E. S. A theory of migration. *Demography*, 1966, vol. 3, no. 1, pp. 47–57.
3. Lisitsyn P. P., Stepanov A. M., Orlova N. A. Fulfilled and unfulfilled promises of Everett Lee: Toward a critique of migration theories. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2023, no. 10, pp. 41–51. (In Russian)
4. De Haas H. A theory of migration: The aspirations-capabilities framework. *Comparative Migration Studies*, 2021, vol. 9, no. 1, pp. 1–35.
5. Cirillo M., Cattaneo A., Miller M., Sadiddin A. Establishing the link between internal and international migration: evidence from Sub-Saharan Africa. *World Development*, 2022, vol. 157, p. 105943.
6. Bernard A., Perales F. Linking internal and international migration in 13 European countries: complementarity or substitution? *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2022, vol. 48, no. 3, pp. 655–675.
7. Finney N., Marshall A. Is migration in later life good for wellbeing? A longitudinal study of ageing and selectivity of internal migration. *Area*, 2018, vol. 50, no. 4, pp. 492–500.
8. Kartseva M. A., Mkrtchan N. V., Florinskaya Yu. F. Interregional migration and life strategies of the Russian youth. *Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii*, 2021, vol. 52, no. 4, pp. 162–180. (In Russian)
9. Nurieva L. M., Kiselev S. G. Analysis of employment of graduates of Omsk universities from the standpoint of the gravity model of migration. *Alma Mater*, 2022, no. 2, pp. 63–68. (In Russian)
10. Ilyin V. I. Individual generational situation: A biographical study of the Northern Hinterland. *Mir Rossii*, 2022, vol. 31, no. 4, pp. 6–32. (In Russian)

11. Loginova L. V., Shcheblanova V. V. Migration of the population in the border region: Status and trends (the case of the Saratov Region). *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2023, no. 10, pp. 52–64. (In Russian)
12. Ivanova E. I. Migration intentions of contemporary generations in Russia: A new wave. *Problemy prognozirovaniia*, 2017, no. 3, pp. 106–118. (In Russian)
13. Byuraeva Yu. G. Youth migration in the Republic of Buryatia: Trends and causes. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2020, no. 10, pp. 52–62. (In Russian)
14. Giltman M., Obukhovich N., Larionova N. The impact of wages in the European part of Russia on migration in the Far North. *Mir Rossii*, 2020, vol. 29, no. 3, pp. 28–50. (In Russian)
15. Mkrtchan N. V. The youth migration from small towns in Russia. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: Ekonomicheskie i sotsial'nye proiavleniia*, 2017, no. 1, pp. 225–242. (In Russian)
16. Florinskaya Yu. F. Labor migration from small Russian cities as a way of survival. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2006, no. 6, pp. 79–87. (In Russian)
17. Bolotova A., Karaseva A., Vasilyeva V. Mobility and sense of place among youth in the Russian Arctic. *Sibirica*, 2017, vol. 16, no. 3, pp. 77–123.
18. Omelchenko D. A., Omelchenko E. L. In search of home. The regional identity of young Kalinin-graders: Life strategies and migration intentions. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: Ekonomicheskie i sotsial'nye proiavleniia*, 2022, no. 6, pp. 309–332. (In Russian)
19. Schewel K., Fransen S. Who prefers to stay? Voluntary immobility among youth in Ethiopia, India, and Vietnam. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2022, vol. 48, no. 19, pp. 4457–4484.
20. Chernysheva N. S., Zhang Yu. Approaches to the studying youth migration in Russia: reviewing discussions. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2022, no. 11, pp. 135–143. (In Russian)
21. Debray A., Ruyssen I., Schewel K. The aspiration to stay: A global analysis. *International Migration Review*, 2023, vol. 30, no. 3, pp. 748–770.
22. Rybakovsky L. L., Mayevsky D. P., Kozhevnikova N. I. Migration mobility of population and its measurement. *Narodonaselenie*, 2019, no. 2, pp. 4–14. (In Russian)
23. Farrugia D. The mobility imperative for rural youth: The structural, symbolic and non-representational dimensions rural youth mobilities. *Journal of Youth Studies*, 2016, vol. 19, no. 6, pp. 836–851.
24. Maleku A., España M., Jarrott S., Karandikar S., Parekh R. We are aging too! Exploring the social impact of late-life migration among older immigrants in the United States. *Journal of Immigrant & Refugee Studies*, 2022, vol. 20, no. 3, pp. 365–382.
25. Mkrtchan N. V., Florinskaya Yu. F. Why some people leave certain regions in favor of others: Motives behind interregional migration in Russia. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: Ekonomicheskie i sotsial'nye proiavleniia*, 2020, no. 5, pp. 130–153. (In Russian)
26. Klyachko T., Semionova E. Labor migration: The view of youth. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii*, 2018, vol. 25, no. 12, pp. 53–62. (In Russian)
27. Vidal S., Lutz K. Internal migration over young adult life courses: Continuities and changes across cohorts in West Germany. *Advances in Life Course Research*, 2018, vol. 36, pp. 45–56.
28. Antosik L. V., Ivashina N. V. Factors and routes of interregional migration of university graduates in Russia. *Voprosy obrazovaniia*, 2021, no. 2, pp. 107–125. (In Russian)
29. Tolstova Yu. N. *Mathematical and Statistical Models in Sociology (Mathematical Statistics for Sociologists)*. Moscow, HSE Publishing House, 2008. (In Russian)

Received: October 18, 2023

Accepted: March 21, 2024

Authors' information:

Azer G. Efendiev — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; efendiev@hse.ru

Anna S. Gogoleva — PhD in Sociology, Associate Professor; agogoleva@hse.ru